
Дмитрий АНДРЕЕВ

ХРОНОКРАТИЯ

Вместо предисловия

Российская интеллектуальная среда переживает сегодня настоящий футуробум. Будущее в самых разных своих аспектах и феноменах становится объектом экспертного анализа, прогностической рефлексии и даже творчески-художественного описания и изображения. Данный футуробум имеет несколько объяснений.

Первое. Все более и более усиливающаяся интеллектуальная неудовлетворенность мыслящих слоев общества бессодержательностью общественной дискуссии (а скорее – отсутствием ее как таковой) по насущным проблемам дальнейшего развития страны и общества, сведением политической повестки дня к сугубо материальным аспектам благосостояния (да и то в минималистском размере, совершенно не соответствующем фантастическим размерам взимаемой государством природной ренты).

Второе. Переход подавляющей части представителей социогуманитарной среды из режима выживания, характерного для 90-х годов минувшего века, в режим насыщения, режим, снимающий острую необходимость повседневной заботы о поддержании элементарного витального обеспечения и, следовательно, позволяющий задумываться о фундаментальных смыслах бытия, а также о перспективах – индивидуальных, групповых, общественных, государственных, планетарных.

Третье. Совершенно очевидная инициатива власти и особенно отдельных ее фигур, ответственных за идеологическое строительство, в целях сохранения своего статуса ключевого, если не единственного, субъекта действия инициировать и возглавить процесс осмысления новых реалий, в которых оказалась страна по истечении растянувшейся почти на два десятилетия масштабной трансформации российского политического пространства, возможных сценариев развития ситуации в стране и в мире.

Четвертое. Усиление в ситуации «столкновения цивилизаций» религиозных исканий, рост конфессионального влияния на положение дел внутри общества, а также на политику. И как результат – актуализация ключевой для всех без исключения конфессий темы эсхатологии, причем не только среди членов этих конфессий, но и в светской культуре, привнесение трансцендентных сюжетов чуть ли не в повседневный обиход, а в отдельных случаях – и апелляция к ним как к инструментам практической политики.

Пятое. Стремительно нарастающее противоречие между претензией России на полноправное членство в социокультурном ареале Запада и ее онтологическим нежеланием (а скорее, витальной неспособностью) воспринять тоталитарно насаждаемый в пространстве «золотого миллиарда» новый жизненный стандарт, который под убаюкивающую политкорректную риторику ведет к фактическому уничтожению христианской цивилизации с ее ценностями и ориентирами.

Перечисление причин, породивших футуробум, можно продолжить, но основные из них уже названы.

Ситуация футуробума провоцирует две ответные поведенческие реакции. (В данном случае речь идет исключительно об осознанных реакциях, то есть предполагающих хотя бы какую-то субъектность в обстановке этого массового психологического настроения. Те, которые являются лишь потребителями футуроощущений, имеющих на небогатом отечественном рынке эмоциональных и иных услуг, здесь не рассматриваются.)

Первая из них (и наиболее массово представленная) сводится к овладению футуростилистикой ради повышения собственной капитализации как потенциального организатора или исполнителя тех или иных востребованных футуробумом околополитических,

медийных, творческих и иных креативных и не очень креативных бизнес-проектов. Иначе говоря – попытка заработать на будущем.

Вторая реакция – это самые разные способы, так сказать, оседлания будущего как такового путем его реконструирования и обращения на пользу развития настоящего в желательном направлении. Именно эта, вторая, реакция и представляется наиболее перспективной – по крайней мере как условие, благоприятное для конструирования реальности по чертежам и схемам того, чего еще пока нет, но что непременно должно появиться. Учитывая всю сложность и неоднозначность возникающих при таком конструировании образов и идентификаций, трудно переоценить роль лиц и фигур, ответственных за обозначение хотя бы самых общих ориентиров подобной деятельности. И здесь следует отдельно сказать о наработках в данной области, имеющихся у Владислава Суркова.

Последним по времени значительным текстом, содержащим в себе определенные алгоритмы работы с будущим, стала его лекция «Русская политическая культура. Взгляд из утопии», прочитанная в июне минувшего года. Эта лекция придает завершенность всей концептуальной конструкции, выстраиваемой Сурковым начиная с выступления «Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности» в феврале 2006-го. Можно сказать даже еще определеннее – именно после июньского «взгляда из утопии» на «русскую политическую культуру» суверенная демократия приобрела ту составляющую, без которой любая идеология пригодна разве что для латания конъюнктурных дыр, да и то лишь в ситуации иллюзорного углеводородного благополучия. Эта составляющая лучше всего определяется в категориях эзотерики, апокрифа, религии, мистики, то есть той области человеческого бытия, которая не верифицируется практикой. Или, точнее, верифицируется, но в таких пространственно-временных измерениях, в каких человек обыденный чувствует себя крайне неудобно. Да и само представление о практике в этих измерениях оказывается совершенно отличным от взгляда, устоявшегося в линейной эмпирике.

Чтобы обосновать право России на собственное понимание демократии, Сурков выходит на глубинные отличия, существующие между нами и Западом. Отличия, проявившиеся еще много веков назад в расхождениях между Платоном и Аристотелем и сводящи-

еся к противопоставлению синтеза и анализа, образности и логики, идеализма и прагматизма, общего и частного, интуиции и рассудка. Из этой констатации делается совершенно прикладной вывод о том, что холистическая, синтетическая, интуитивная, идеоцентричная русская культура требует адекватной своим особенностям политической практики, основанной на централизаторских началах, персонализации институтов и идеальных смыслах.

Данным особенностям посвящена значительная часть статьи – но вовсе не в них изюминка текста. Кульминация выступления заключалась в другом, а именно: в дерзновенной попытке превратить будущее – то есть с приземленной точки зрения то, чего еще нет и в помине, – в самоценный ресурс развития. Действительно, если «культура – это судьба», причем судьба, предрешенная своего рода «генетической формулой», если она дает «уникальный код доступа к будущему», то это самое будущее как бы уже существует, оно, как и прошлое, входит в пространство культуры. И отсюда делается главный вывод: Россия нуждается в новой модели движения в истории.

Такая модель предполагает отказ от представления о настоящем как о прошлом, дотянувшимся через разветвленную цепочку причинно-следственных связей до текущего момента. Или по меньшей мере отказ от абсолютизации подобного представления. Не пятиться, обращаясь спиной к будущему и бредя наугад, соизмеряя маршрут исключительно с уже пройденными вехами пути, но полагаясь на свершившееся как на исходную данность, корректировать свои шаги в соответствии со знаками того единственного грядущего, которому суждено быть выбранным из огромного множества разбегающихся в разные стороны гиперссылок. Иными словами, как бы перенести себя в будущее, чтобы смотреть на настоящее с тех же самых позиций, с каких обычно из настоящего взирают на прошлое.

Вот это и есть «взгляд из утопии», о котором говорит Сурков. Правда, при этом тут же оговаривается, что утопия в данном случае понимается им несколько иначе, чем обычно, – не в качестве чего-то несбыточного в принципе, но как нечто достижимое, пускай и с невысокой степенью вероятности, причем достижимое предпочтительное, желательное. То есть утопия Суркова – это, скорее, мечта,

со всеми свойственными этому слову в русском языке значениями. Или, по определению самого автора, «проекция русской культуры на предстоящую историю».

Такая проекция лучше всего высвечивает всю бесперспективность модернизации как режима развития для России. Режима, сводящегося к нескончаемому улучшению изъянов и недоделок минувшего и потому воспринимающего будущее как всего лишь отремонтированное или в лучшем случае подвергнутое апгрейду прошлое. Вместо модернизации России, по словам Суркова, требуется «сдвиг всей цивилизационной парадигмы» – отдание безусловного приоритета нелинейному восприятию времени. Восприятию, присущему как раз религиозному взгляду на жизнь – с его нераздельностью исторического времени на прошлое, настоящее и будущее и одновременной неслиянностью каждой из этих трех составляющих для конкретной человеческой личности. Именно такие нераздельность и неслиянность делают возможным сосуществование умерших, живущих и еще не родившихся в замысле Творца. («Зародыш мой видели очи Твои; в твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было». Пс. 138, 16.) А постоянное соотнесение переживаемой реальности с неким неизбежным грядущим – это ли не эсхатологический взгляд на жизнь?

Конечно, «взгляд из утопии» – это взгляд светский. Но светскость его весьма условна по причине вторжения в области, которых светская культура обычно избегает или описывает как нечто внешнее по отношению к себе. Такому взгляду требуется совершенно новый инструментарий. И в этом смысле слово «утопия» плохо соответствует той смысловой нагрузке, какая на него возложена в данном контексте. В русском языке оно имеет вполне определенное, преимущественно негативное значение. «Трудности перевода», о которых говорит Сурков, наглядно проявляются в случае с заимствованием образа утопии для обозначения будущего, обладающего креативной миссией в отношении настоящего. Однако эта неудачная метафора ничуть не снижает главной эвристической заслуги текста, оказывающегося, по сути, практическим руководством по *хронократии*, то есть – преодолевая «трудности перевода» с древнегреческого и отталкиваясь от где-то созвучного по своему значению

понятия Айзека Азимова – по выстраиванию особых отношений со временем, своего рода сотворчества, при котором человек создает будущее по проектам, почерпнутым из этого же самого будущего, а не из прошлого и даже не из настоящего.

Понятно, что такая повестка дня ориентирована на весьма эксклюзивные человеческие качества. Но это обстоятельство – если мы задумываемся о хронократии всерьез – преодолимо. Безусловно, не путем тиражирования, а через установление в качестве определенного поведенческого кодекса представления о предельности как о естественной и единственно возможной мотивационной планке для некоей критической массы людей. Новая элита? В каком-то смысле да, но только отличающаяся от всех остальных не правами и привилегиями, а неспособностью жить не на пределе своих возможностей. Такие «предельщики» обыкновенно накоротке с будущим – они уже живут в нем и выносят на себе все «трудности перевода» с будущего на настоящее. Но эти мысли слишком далеко отходят от заявленной в лекции проблематики «взгляда из утопии». Правда, и два года назад, на момент определения новой идеологии в рамках суверенитета и конкурентоспособности, слово «утопия» (и уж тем более понятие «код доступа к будущему») казалось невозможным в устах высокого государственного чиновника.

Кстати, подобный способ постижения будущего непосредственно из него самого на лингвистическом уровне удачно отражен в названии представляемого сборника. Латинское выражение *de futuro* можно перевести двояко: «о будущем» и «из будущего». Собственно, так и поступают авторы опубликованных в сборнике статей. Они размышляют о будущем, как будто находясь в нем и вглядываясь оттуда, из будущего, в настоящее, в день сегодняшний. Похожим образом мы обычно смотрим в прошлое – чаще всего в соблазне хотя бы воображаемого, с помощью искусительного условного наклонения, преодоления необратимо оставшейся в минувшем реальности. Но применительно к взгляду из будущего в настоящее наше положение оказывается просто фантастическим по своим возможностям: глядя на самих себя из нашего же собственного будущего, мы обретаем уникальный шанс продвигаться по жизни оптимальным путем. Путем буквально фатальным в силу его предрешенности, причем предрешенности субъектной,

предрешенности, сознательно выбранной из дня завтрашнего для дня сегодняшнего. И в силу этого – предрешенности прозрачной. Поэтому «прозрачный фатализм» – это не оксюморон, но результат сознательного выбора, критерий профессионализма, маркер личностной состоятельности.

В подобной установке нет ничего богоборческого. Просто люди, для которых сакральное измерение жизни – точно такая же реальность, как и окружающий мир, способны становиться сопричастными будущему с помощью определенных духовных практик, а люди, далекие от такого мирозерцания, – совершенно другими способами. Все дело в том, как воспринимать саму возможность трансвременных перемещений. Если как дар свыше и одновременно одно из неисчислимых казуальных проявлений непостижимой человеческому разуму взаимосвязи свободы воли и предопределенности, то это одно. Если как результат конкретных действий – то совсем другое.

Предвижу и явно напрашивающуюся ассоциацию с выражением *de futuro* – ассоциацию, на которую наверняка укажут наши критики из-за ее саркастической хлесткости: что, мол, проект *de futuro* – это проект «дефутуризации», предпринятый «дефутуризаторами». Поэтому, во-первых, лишу потенциальных критиков сборника возможности произнести это выражение первыми. А во-вторых, в какой-то мере и соглашусь с тем смыслом, который обретает латинский предлог *de*, превратившийся в аннигилирующую приставку приведенного неологизма. Затея сборника – это в какой-то степени действительно вызов будущему, точнее, тому способу постижения будущего, который считается единственно допустимым и уместным, то есть будущему как улучшенному/ухудшенному настоящему. В отношении такого будущего сборник и впрямь является откровенно «дефутуризаторским» начинанием.

То есть будущее из удела фантастов и разного рода прорицателей превращается сегодня в предмет хронократии как особой социоантропологической технологии. Поэтому идея настоящего сборника возникла не на пустом месте, а именно как ответ на явственно ощущаемый общественный (а значит, и политический) запрос. Запрос, вызванный исчерпанностью развития, основанного на паразитическом проедании ресурсной ренты, – не важно, под какими

лозунгами, либерально-демократическими образца 90-х или вполне патриотическими, но оттого не менее бесперспективными по причине своей генетической привязки к трубе. Да, само по себе обращение в будущее и к будущему не разрешит в одночасье главного заклатья нашей сегодняшней жизни – тотального, всеобъемлющего господства рентных отношений сверху донизу и от Чукотки до Калининграда. Для снятия этого заклатья потребуются либо долгие годы, либо те методы и способы, на какие действующая власть никогда не согласится, либо что-то еще. И вот это самое что-то еще и может быть обретено в поисковом пространстве будущего, где определится чаемый народом и властью новый поворот – не левый и не правый, не консервативный и не либеральный, не космополитический и не державнический, а выводящий осмысление бытия России в совершенно иную систему координат. Что это за координаты, каковы их единичные отрезки и какое количество пространственных измерений они способны объять – сказать сегодня трудно. Но уже можно достаточно верно (пускай во многом и интуитивно – история непостижима с помощью одной лишь логики) обозначить курс и уловить хотя бы самые общие очертания того будущего, которое посылает в настоящее свои знаки и к которому надлежит проложить дорогу из дня сегодняшнего.

«De futuro, или История будущего» концептуально, организационно и во многом инфраструктурно является продолжателем трех других проектов, реализованных и еще продолжающихся. Перечислю их в хронологическом порядке.

Первый из этих проектов – вышедший в 2006 году в петербургском издательстве «Алетейя» «Эсхатологический сборник». Его составителями и редакторами явились составители и редакторы настоящего сборника, а также один из его авторов – Александр Неклесса. Работа над «Эсхатологическим сборником» началась еще в 1999 году. В результате удалось собрать внушительный комплект текстов по истории эсхатологических представлений, причем текстов как светских по своим ценностно-мотивационным установкам, так и религиозно ориентированных.

Второй проект – это интеллектуальный клуб «Красная площадь», работающий с осени 2005 года под руководством Неклессы (и на протяжении первого года своего существования – при моем

организационном участии и в развитие нашего сотрудничества с Неклессой в рамках группы «ИНТЕЛПРОС»). Клуб стал площадкой содержательной дискуссии по наиболее острым российским и мировым проблемам, в результате чего тема будущего, его прогнозирования и моделирования оказалась одной из ключевых тем, обсуждаемых на заседаниях «Красной площади». Более половины авторов настоящего сборника участвовали в работе этого клуба.

Наконец, **третий** проект – журнал «Политический класс», в котором мы с Вадимом Прозоровым работаем в настоящее время и главным редактором которого является один из участников сборника «De futuro, или История будущего» – Виталий Третьяков. Проблемы будущего выходят сейчас в число ведущих сюжетов нашего «журнала политической мысли России». И в этом отношении весьма симптоматично, что все без исключения авторы настоящего сборника либо публиковались в «Политическом классе», либо участвовали в другом проекте его главного редактора – телепередаче «Что делать? Философские беседы» на канале «Культура», в которой тема будущего также обсуждается регулярно. Либо и печатались в журнале, и выступали в программе – и то и то вместе.

«De futuro, или История будущего» – это не совместный труд единого коллектива, а именно сборник работ разных авторов, характер взаимоотношений которых находится в диапазоне от доверительности самого высокого уровня до отсутствия элементарного знакомства. Вместе с тем разброс взглядов всех одиннадцати участников сборника – по крайней мере как это видно по их текстам – не представляется столь значительным. Данное обстоятельство, безусловно, делает возможным возникновение на основе этого сборника тех или иных контуров сотрудничества (помимо уже существующих – и причем успешно и продуктивно) с подключением к таким контурам новых лиц, не вошедших в число одиннадцати авторов. То есть путь от предметной и оценочной вариативности к своего рода «цветущей сложности» (Константин Леонтьев) здесь не исключен, хотя и не гарантирован.

Если же в принципе говорить о перспективах хронократии, то здесь вырисовывается целый проектный комплекс. Поэтому на повестке дня наступающего нового этапа в истории нашей страны (а то, что смена первого лица означает в нашем патерналистски

ориентированном обществе подобную смену этапов, говорить излишне, несмотря на всю риторику о преемственности курса и несменяемости команды) – разработка масштабного плана освоения будущего, своего рода футурополитики, и активная пропаганда образа культурного героя, которому окажется под силу эта миссия. Остается надеяться, что «De futuro, или История будущего» внесет свой посильный вклад в реализацию этой задачи.

ПРОШЛОЕ БУДУЩЕГО
